

Сергей КАРПЕНКО

ДИКТАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ БЕЛЫХ ГЕНЕРАЛОВ И КОРРУПЦИЯ (Юг России, 1918–1920 гг.)

В статье рассматривается коррупция в аппарате управления военных диктатур генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля (1918–1920 гг.). Главное внимание уделяется экономическим, социальным, политическим и военным факторам роста коррупции и мерам по борьбе с ней.

The article is focused on the corruption in the administrative apparatus of general A.I. Denikin's and general P.N. Vrangeli's military dictatorships (1918–1920). The main attention is paid to the economic, social, political and military factors of corruption growth and to measures to its evaluation.

Ключевые слова:

Белое движение, А.И. Деникин, П.Н. Врангель, военная диктатура, аппарат управления, коррупция; White Movement, A.I. Denikin, P.N. Vrangeli, military dictatorship, administrative apparatus, corruption.

Смыслом существования Белого движения было воссоздание российской государственности и уничтожение власти большевиков. Одной из черт, присущих аппарату управления белых военных диктатур, стала коррупция. Масштабы коррупции и меры власти против нее — одна из наименее изученных страниц истории Белого движения. Между тем, анализ факторов роста коррупции и эффективности антикоррупционных мер белых правительств имеет особую важность для современной России.

Первым, базовым фактором роста коррупции стал качественный состав чиновничества.

Занятие части Ставропольской и Черноморской губерний в июне–августе 1918 г. заставило командование Добровольческой армии приступить к созданию аппарата управления этой «неказачьей» территорией. При этом, поскольку Донская и часть Кубанской области управлялись собственными, казачьими, властями, «верховный руководитель» армии генерал М.В. Алексеев и ее командующий генерал А.И. Деникин считали возможным отложить создание правительственного аппарата до полного очищения от большевиков Кубанской и Терской областей и выхода к Волге.

Летом 1918 г., выйдя за пределы казачьих областей Дона и Кубани, командование Добровольческой армии приступило к воссозданию губернского и уездного аппаратов управления. Воссозданием местного аппарата руководили военные губернаторы из числа военачальников, не имевших ни юридических знаний, ни административного опыта. Командующий армией генерал А.И. Деникин рассчитывал на помощь местной либеральной интеллигенции и служащих городского и земского самоуправления. Однако наиболее авторитетные их представители были истреблены большевиками, другие покинули эти места, а оставшиеся не хотели сотрудничать с Добровольческой армией, ибо были убеждены в ее «реакционности»¹.

В итоге в губернские учреждения пошли старые царские чиновники, чья добросовестность и опыт обесценивались стремлением поскорее вернуть высокое жалование и прежние привилегии. И в условиях роста дороговизны они начали разворовывать казенные деньги и уже не просто брать, а вымогать взятки. Еще хуже обстояли дела в уездных учреждениях: к старым чиновникам добавились проходимцы с темным прошлым, движимые желанием использовать

КАРПЕНКО

Сергей

Владимирович —

к.и.н., доцент;

доцент кафедры

истории России

Новейшего времени

РГГУ

skarpenk@mail.ru

¹ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. — София, 1921, с. 26–27; Деникин А.И. Очерки русской смуты. — Берлин, 1924, т. 3, с. 180, 238, 260, 262, 264; Лукомский А.С. Воспоминания. — Берлин, 1922, т. II, с. 85.

власть для пополнения своих карманов, вместе они установили режим вымогательства и казнокрадства¹.

К концу лета 1918 г. командованию армии стало очевидно: с расширением занимаемой территории гражданские дела множатся и усложняются, а потому откладывая создание центрального аппарата управления больше нельзя. В конце августа были организованы Особое совещание, быстро эволюционировавшее в правительственный орган при командовании, и подчиненные ему отделы по отраслям управления².

Формирование отделов уперлось в острую нехватку опытных министерских чиновников: многие оставались на территории «Совдепии», другие уехали в гетманскую Украину или Сибирь. Те же, кто оказался на Юге, не спешили связать свою судьбу с Добровольческой армией, считая ее положение на Северном Кавказе непрочным. Главным стимулом поступления на службу стал материальный: дороговизна росла, и без жалованья чиновникам-беженцам с семьями прожить было невозможно. Только к концу осени отделы Особого совещания были укомплектованы кадрами. В феврале 1919 г. в связи с расширением занимаемой территории, созданием Вооруженных сил на юге России (ВСЮР) и увеличением объема работы отделы были реорганизованы в управления, подобные старым российским министерствам³.

По мере продвижения фронта на север руководители управлений собирали безработных чиновников дореволюционных министерств. Те стремились вернуться на привычные «теплые местечки», рассчитывая восстановить свой прежний материальный уровень жизни. Однако колебания линии фронта и угроза возвращения красных усилили традиционное российское отношение к должности как к временному источнику доходов, поэтому они безоглядно брали и вымогали взятки, запускали руку в казну⁴.

¹ Деникин А.И. Указ. соч., т. 3, с. 264.

² Соколов К.Н. Указ. соч., с. 30; Лукомский А.С. Указ. соч., с. 85–87.

³ Соколов К.Н. Указ. соч., с. 43–44, 73–78, 79–80.

⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. — Берлин, 1925, т. 4, с. 218; Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч. I. Белое дело. — Берлин, 1928, кн. V, с. 217; Лукомский А.С. Указ. соч., с. 158–159; Калинин И. Русская Вандея. — М.; Л., 1926, с. 166.

Кроме того, начальники управлений и их отделов считали своим долгом помочь родственникам и друзьям, приехавшим на Юг, а потому охотно пристраивали их на должности. Служить пошли жены и дочери чиновников, дабы восполнить нехватку жалованья главы семейства. «Устройство» на должности, исходя из родственных связей и знакомств, стало заурядным явлением, а порожденная им «семейственность» облегчала казнокрадство и взяточничество⁵.

Зная отрицательные стороны царского бюрократизма, главком ВСЮР генерал Деникин много раз требовал от начальника Гражданского управления Н.Н. Чебышева изменить систему комплектования гражданских учреждений, привлечь к работе в них интеллигенцию и служащих органов самоуправления, пользующихся авторитетом у населения. Однако те не хотели служить в «реакционном» госаппарате⁶.

Вторым фактором роста коррупции стало вмешательство в гражданские дела на всех уровнях. Это неизбежно порождало междуведомственные трения и конфликты, умножало бюрократизм и волокиту, что расширяло возможности для взяточничества и казнокрадства⁷.

Третьим фактором стало катастрофическое материальное положение чиновников.

Денежное содержание чиновников центрального и местного аппарата слагалось из основного оклада, кормовых денег и прибавки на семью. Служащие губернских и уездных учреждений кормовых денег и семейных прибавок не получали: считалось, что у них есть свое жильё и подсобное хозяйство. В ноябре 1918 г. основной оклад составлял от 300 руб. в месяц для чиновников IX класса и 666 руб. — для II класса, а прибавка на семью — 250 руб. в месяц. Инфляция заставила в декабре 1918 г. повысить основной оклад жалованья на 50% и ввести ежемесячную прибавку на дороговизну в зависимости от местности и независимо от класса должности (от 250 до 650 руб.). Когда начальники управлений поднимали вопрос о повы-

⁵ Савич Н.В. Воспоминания. — СПб.; Дюссельдорф, 1993, с. 292.

⁶ Там же, с. 292; Калинин И. Указ. соч., с. 169.

⁷ Карпенко С.В. Военный и гражданский аппараты управления деникинской диктатуры // Власть, 2011, № 3, с. 131–134.

шении окладов, начальник Управления финансов М.В. Бернацкий этому сопротивлялся, ссылаясь на нехватку наличных денег. Деникин поддерживал Бернацкого, хотя жалование чиновников уступало зарплате рабочих и ремесленников, едва покрывая стоимость минимально потребных продуктов питания¹.

До трех четвертей служащих центральных управлений ВСЮР составляли чиновники VIII–VI классов, жалование которых вместе с прибавками с апреля по ноябрь 1919 г. достигало 1 500–1 800 руб. За это время стоимость месячного «пищевого пайка» одного человека в Екатеринодаре выросла в 3 раза: с 300 до 900 руб. Так, жалование, быстро отставая от цен, уже к концу лета упало до «голодной нормы» семьи из трех–четырех человек. А нужно было еще платить за арендованную квартиру (далеко не всех обеспечивали служебной), за керосин и дрова, постоянно дорожающие. Приходилось ходить в потертой одежде и разбитой обуви, на новые денег уже не оставалось, как и на многие привычные вещи. Многие чиновничьи семьи вынуждены были распродавать на рынках «лишнее» имущество².

«Голодные» оклады обрекли чиновников на «выбор между героическим голоданием и денежными злоупотреблениями». В начале осени 1919 г. из-за обесценивания рубля и роста цен³ ситуация стала невыносимой, и Особое совещание подготовило проект постановления о повышении всех слагаемых денежного содержания чиновников. Бернацкий, как обычно, возражал. Но Особое совещание, осведомленное о массовом недовольстве чиновничества, в декабре приняло постановление об улучшении материального положения служащих военных и гражданских учреждений, которое Деникин утвердил⁴.

Чиновникам центральных и местных гражданских учреждений были установлены новые месячные оклады: от 700 руб. (XIV класс) до 1 800 руб. (VI класс). Была введена прибавка на дороговизну: для

получающих «кормовые» – 75% кормового оклада, для не получающих – 100%⁵. С декабря 1919 г. основная масса чиновников ежемесячно получала жалование от 2 500 до 3 000 руб. Тем временем стоимость месячного «пищевого пайка» одного человека достигла в Екатеринодаре 1 150 руб., а в Ростове – 1 500 руб. Последовавший тогда же из-за поражений и отступления ВСЮР скачок цен «съел» все прибавки, и жалование упало до 25–30% «голодного» минимума одного человека.

Наконец, четвертым фактором роста коррупции стало государственное регулирование товарно-денежного обращения, в котором административные рычаги решительно преобладали над экономическими. Главным его звеном стало регулирование внутренней хлебной и всей внешней торговли: установление «твердых» закупочных цен, запреты ввоза и вывоза определенных товаров, обязательство «обратного полезного импорта» (промтоваров, необходимых армии и населению) в обмен на разрешение вывезти определенное количество конкретного сырья (о чем торговец заключал договор с правительственным учреждением) и другие меры вплоть до «экономической блокады» Кубанской и Донской областей.

В результате все учреждения, причастные к регулированию внешней и внутренней торговли, поставкам промтоваров и продуктов питания в армию и в города (Управление торговли и промышленности, Управление продовольствия, Главное интендантство и др.), поразила коррупция. Ради преодоления установленных правительством ограничений торговцы стали щедрее на взятки как никогда. Мздоимство чиновников приобрело небывалые масштабы. Так, за выдачу торговым фирмам разрешений на вывоз сырья и продовольствия с Юга России они требовали взятки, размер которых доходил до 50% ожидаемой прибыли. За взятки чиновники разрешали торговцам импортировать сырье, запрещенное к вывозу, или партии сырья большие, чем это предусматривалось договором, закрывали глаза на то, что обратный ввоз не соответствовал условиям договора, не столько удовлетворял потребности армии и населения, сколько приумножал прибыли торговцев и т.д. Коррупция особенно сильно поразила

¹ ГАРФ, ф. 3426, оп. 1, д. 2, л. 12; Соколов К.Н. Указ. соч., с. 183.

² Соколов К.Н. Указ. соч., с. 183–185; Калинин И. Указ. соч., с. 169.

³ Карпенко С.В. Наступление ВСЮР на Москву летом 1919 г.: победы на фронте и финансовый кризис в тылу // Новый исторический вестник, 2009, № 3(21), с. 94–95.

⁴ Соколов К.Н. Указ. соч., с. 185.

⁵ ГАРФ, ф. 3426, оп. 1, д. 2, л. 12–12(об).

таможню, откуда большие партии товаров исчезали без каких-либо документальных следов¹.

Второй самой коррумпированной отраслью хозяйства, связанной с торговлей, стал железнодорожный транспорт. Его служащие стали вымогать взятки со всех, кто желал проехать и провезти груз. Постоянные срывы военных перевозок железнодорожники объясняли нехваткой подвижного состава и угля, однако для торговцев то и другое без труда находилось за взятки. В октябре 1919 г. каждый торговец раздавал всем «нужным» служащим дороги по 1 200–1 500 руб. «на смазку колес»².

Деникин, резко отрицательно относившийся к спекуляции, казнокрадству и мздоимству, сделал упор на усиление государственного контроля над коммерческой деятельностью и ужесточение карательных мер.

Следствия и суды по делам чиновников, обвиненных в должностных преступлениях, в 1919 г. на территории ВСЮР стали обыденностью. Однако следственные и судебные органы «замечали» казнокрадство и взяточничество только в губерниях и уездах. Основную массу обвиняемых составляли уездные чиновники. Против них возбуждались уголовные дела, велись расследования. Но суды выносили им либо мягкие, либо оправдательные приговоры; по сути, многим их должностные преступления сходили с рук³.

Резким контрастом с вялостью Деникина в борьбе с коррупцией выглядели решительные, жесткие меры командующего Кавказской армией генерала П.Н. Врангеля. Так, в августе 1919 г. он приказал арестовать и предать военнополовому суду начальника станции Царицын, сцепщика и составителя поездов, которые за взятки предоставляли торговцам вагоны в воинских эшелонах. Все трое по приговору суда были повешены⁴.

В апреле 1920 г., когда остатки ВСЮР отступили в Крым, Врангель, занявший

должность главнокомандующего, был исполнен решимости не только сократить и удешевить аппарат управления, но и покончить с чиновничьими злоупотреблениями.

Однако дороговизна продолжала расти. В мае месячное жалованье чиновников XVI–VII–IV классов составляло 7 000–16 000–27 000 руб. и вместе со всеми прибавками покрывало от 5 до 25% семейного прожиточного минимума. В сентябре оклады были удвоены, но уже за октябрь инфляция «съела» прибавку, и жалованье стало покрывать всего 5–10% прожиточного минимума. Причем за зиму и весну 1920 г., голодая и нищая, многие чиновничьи семьи распродали последнее «лишнее» имущество, и этот источник повышения реальных доходов иссяк. Честные, добросовестные чиновники (таких было немало) и их семьи «в буквальном смысле слова голодали»⁵. Председатель Таврической губернской земской управы В.А. Оболенский писал: «Конечно, голод не поощряет человека держаться на стезе добродетели, и люди, которые когда-то были честными, постепенно начинали, в лучшем случае, заниматься спекуляцией, а в худшем – воровать и брать взятки... В России, где честность никогда не являлась основной добродетелью, во время Гражданской войны в тылу белых войск бесчестность стала бытовым явлением»⁶.

К казнокрадству и взяточничеству чиновников подталкивало и тягостное ощущение недолговечности власти Врангеля. О взятии Москвы больше не мечтали, ибо в победу армии Врангеля не верили. Главным мотивом занятия должности стало использование служебного положения в корыстных целях. Для кого-то корысть сводилась к желанию спасти себя и свою семью от голода, а для кого-то – к «благоприобретению» капитала для безбедной жизни за границей после эвакуации Крыма⁷.

С целью использовать сырьевые ресурсы занятой территории исключительно для оплаты закупок военных материалов для армии, а заодно обуздать взяточничество,

¹ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. First series. V. III. – Л., 1949, р. 588; Соколов К.Н. Указ. соч., с. 179; Савич Н.В. Указ. соч., с. 291–292, 337; Калинин И. Указ. соч., с. 169.

² ГАРФ, ф. 879, оп. 1, д. 55, л. 21; Калинин И. Указ. соч., с. 282.

³ Врангель П.Н. Указ. соч., ч. I, с. 217; Лукомский А.С. Указ. соч., с. 158–159; Калинин И. Указ. соч., с. 166.

⁴ Врангель П.Н. Указ. соч., ч. I, с. 187.

⁵ РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 291, л. 9(об); Вечернее слово, Севастополь, 1920, 7 июля; Оболенский В. Крым при Врангеле. – М.; Л., 1928, с. 63.

⁶ Оболенский В. Указ. соч., с. 63–64.

⁷ Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. – М., 1993, кн. 2, с. 567; Калинин И. Под знаменем Врангеля. – Л., 1925, с. 95–96.

казнокрадство и спекуляцию Врангель в июле ввел государственную монополию на вывоз зерна (ячменя). Ее осуществление он возложил на нового начальника Управления торговли и промышленности В.С. Налбандова — крупного крымского землевладельца и финансиста с репутацией «безукоризненно честного человека»¹.

За вторую половину лета казенный экспорт ячменя был налажен, причем крупные торговые фирмы были привлечены к нему в качестве контрагентов. Налбандов, больше всего боящийся, «как бы его не обманули и как бы казну не обворовали», поставил заключение договоров с торговыми фирмами под свой личный контроль.

В отличие от Деникина, Врангель издал серию приказов, грозя взяточникам и казнокрадам, «подрывающим устои разрушенной русской государственности», каторгой. А затем — и смертной казнью, которую он ввел в октябре. Официозные газеты, взывая к патриотическим чувствам чиновников, развернули шумную кампанию против взяточничества под лозунгом: «Брать сейчас взятку — значит торговать Россией!»². Некоторые журналисты пытались «читать мораль» чиновникам: дескать, «ничтожное жалование, дороговизна, семьи — все это не оправдание для мздоимства»³. Однако ни угрозы, ни призывы, ни увещевания на взяточников не подействовали. В то же время приказы главкома и газетные статьи создавали у населения благоприятное для власти впечатление, что при Врангеле ведется «более упорная борьба со всякого рода злоупотреблениями, взятками и т.п.», чем при Деникине⁴.

Эта пропагандистская шумиха бумерангом ударила по самой власти Врангеля. Крымская печать все чаще критиковала и изобличала высокопоставленных чинов-

ников и целые учреждения в «преступных действиях» и неисполнении приказов главкома. Тон здесь задавали националистические и монархические газеты.

Врангель эти обличительные публикации воспринимал очень болезненно. Кончилось тем, что в сентябре он учредил Высшую комиссию правительственного надзора в составе начальников военного и гражданского судебных ведомств и нескольких ревизирующих сенаторов. Комиссия должна была рассматривать жалобы и заявления об «особо важных преступных деяниях по службе» и «серьезных непорядках в отдельных отраслях управления». Объявляя в своем приказе об учреждении комиссии, Врангель заверил: «Каждый обыватель имеет право внести жалобу на любого представителя власти с полной уверенностью, что жалоба дойдет до меня и не останется нерассмотренной». На деле учрежденная им комиссия стала могилой для жалоб на злоупотребления чиновников. И это было оценено населением как доказательство неспособности власти одолеть взяточничество и казнокрадство⁵.

Таким образом, коррупция в аппарате управления военных диктатур генералов Деникина и Врангеля с 1918 по 1920 гг. достигла масштабов, которых не знала императорская Россия. Росту коррупции способствовали, прежде всего, углубляющийся экономический кризис, своекорыстие и социальный эгоизм предпринимателей и чиновничества, бюрократические методы регулирования товарно-денежного обращения, поражения белых войск. Совокупная сила действия этих факторов намного превзошла эффективность мер по борьбе с коррупцией, на которые оказалась способна военно-диктаторская власть Белого Юга. Эти меры носили исключительно паллиативный характер, и другими они быть не могли. Более того, с осени 1919 г. неэффективность антикоррупционных мер сама стала подстегивать коррупцию, которая явилась сильнейшим фактором разложения Белой государственности на Юге России.

¹ Совершенно лично и доверительно! Б.А. Бахметев—В.А. Маклаков : переписка, 1919—1951. — М.: Стэнфорд, 2001, т. 1, с. 250, 251, 253.

² Карпенко С.В. «Брать сейчас взятку — значит торговать Россией!»: госаппарат и чиновничество врангелевской диктатуры // Новый исторический вестник, 2009, № 1(19), с. 108—109.

³ РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 296, л. 16(об)—17; Заря России, Севастополь, 1920, 26 сент.

⁴ Совершенно лично и доверительно! Б.А. Бахметев—В.А. Маклаков : переписка, 1919—1951. — М.: Стэнфорд, 2001, т. 1, с. 231.

⁵ РГВА, ф. 101, оп. 1, д. 177, л. 275; ф. 109, оп. 3, д. 296, л. 7; Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. — Берлин; Мюнхен, 1922, с. 88.